

Литвинова Елизавета Федоровна

**Софья Ковалевская. Женщина
- математик**

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Литвинова Елизавета Федоровна

Софья Ковалевская. Женщина-математик / Литвинова Елизавета Федоровна –
М.: Книга по Требованию, 2011. – 120 с.

ISBN 978-5-458-03736-5

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы профессия.

ISBN 978-5-458-03736-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Е. Ф. Литвинова
Софья Ковалевская.
Женщина – математик
Её жизнь и ученая
деятельность

*Биографический очерк Е. Ф.
Литвиновой*

*С портретом Ковалевской,
гравированным в Лейпциге Геда-
ном*

Предисловие

В настоящем очерке мы предполагаем ознакомить читателей с жизнью и научной деятельностью Ковалевской. Во избежание недоразумения считаем нелишним сказать, что очерк этот предназначается для людей хотя и не обладающих никакими познаниями по высшей математике, но имеющих общее образование.

Само собой разумеется, что при составлении нашего очерка мы воспользовались всем напечатанным Ковалевской и о Ковалевской в русской и иностранной литературе; мы дополнили и осветили всё это тем, что нам известно из личного общения с нею и с близкими ей людьми. Большая часть материалов для биографии Ковалевской – это, разумеется, воспоминания о ней лиц, ее знавших, и ее собственные, признанные подлинно художественными автобиографические наброски. Мы с особенным вниманием остановились на них, на труде Леффлер «София Ковалевская» и на статье первого домашнего учителя Ковалевской, Малевича, напечатанной в «Русской старине» за 1890 год. Талантливая шведская писательница представила нашу знаменитую соотечественницу как живую со всеми ее крупными и мелкими индивидуальными особенностями. Такой способ изображения вполне уместен в воспоминаниях; в биографии же приходится отделять в личности всё главное, существенное от второстепенного и случайного. В противоположность г-же Леффлер мы стремились изобразить Ковалевскую такою, какою она была *главным образом*. К тому же воспоминания герцогини де Койянерло, бывшей Леффлер, относятся к одному периоду жизни Ковалевской – к последним годам; мы же проследили всю жизнь нашей знаменитой соотечественницы в ее *общих чертах*.

Иосиф Игнатьевич Малевич.

Воспоминания Малевича в высшей степени ценные потому, что бросают свет на условия первоначального образования Ковалевской и на ее занятия элементарной математикой в детстве и в юности – предмет, оставленный в стороне в автобиографии Ковалевской.

Занимаясь составлением биографий замечательных людей и изучая внимательно труды других, легко убеждаешься, что современники иначе смотрят на живших среди них выдающихся людей, чем грядущие поколения; время, уничтожающее все несущественное, условное, мелкое, очищает образ замечательного человека от клеветы и всякого пристрастия и делает его более простым и ясным. Имея это в виду, мы стремились в биографии Ковалевской по воз-

можности удалиться от нашего времени.

Особенно важной и трудной представляется оценка научных заслуг Ковалевской, значение которых трудно выяснить для неспециалиста; поэтому приходится, как всегда в подобных случаях, ссылааться на мнения авторитетов и ограничиваться рассуждениями общего характера.

Между тем эти заслуги представляют глубокий интерес для всякого русского интеллигента; отрадно убедиться, что личность, жившая среди нас, разделявшая увлечения нашего времени, имевшая общие с нами интересы, заняла такое высокое положение среди самых выдающихся людей нашего времени и оставила неизгладимый след в науке. Между современными нам учеными Ковалевская имеет горячих поклонников, которые ее превозносят, и просто людей, отдающих ей справедливость; но есть и люди, старающиеся умалить ее заслуги. В год смерти Ковалевской Московское математическое общество напечатало совместный труд трех профессоров: Столетова, Некрасова и Жуковского, – посвященный оценке заслуг Ковалевской в области чистой и прикладной математики. Взгляды, высказанные в этой статье, вполне согласуются со мнениями западных ученых, беспристрастно относящихся к Ковалевской; в этих мнениях заключается, вероятно, истина, и мы считаем для себя обязательным не слишком уклоняться от них. Но заслуги Ковалевской так несомненны и бесспорны, что не нуждаются ни в каком их «раздувании». Говоря о деятельности Ковалевской, мы должны сказать несколько слов о той школе немецких математиков, к которой она принадлежала. Не преувеличивая значения этой школы, мы сошлемся в этом отношении на взгляды русского математика Васильева, высказанные им в статье «Роль Бейерштрасса в современной математике».

Софья Васильевна Ковалевская.

Глава I

Несколько слов о личностях, окружавших Ковалевскую в детстве; отец и мать. – Учитель Малевич; его педагогические воззрения. – Гувернантка-англичанка. – Дядя П. В. Корвин-Круковский. – Сестра Анна.

Софья Васильевна Ковалевская, урожденная Корвин-Круковская, родилась в Москве 3 января 1850 года. Она особенно дорожила первой частью своей двойной фамилии, о происхождении которой рассказывала следующую, переходящую из рода в род, легенду: дочь венгерского короля Матвея Корвина вышла замуж за польского магната Корвин-Круковского. Матвей Корвин, как известно, был не только великий воин, но также просвещенный покровитель наук, литературы и искусств. Президент Парижской Академии наук астроном и физик Жансен, упоминая об этом обстоятельстве в своей речи по случаю присуждения премии Ковалевской, сказал: «Очевидно, госпожа Ковалевская наследовала любовь к наукам и литературе от своего знаменитого предка, и мы поздравляем ее с этим».

Елизавета Федоровна Корвин-Круковская.

Нам известны и другие предки Ковалевской, от которых она с большой вероятностью могла наследовать свои таланты. Мать ее, Елизавета Федоровна Шуберт, была внучкой известного астронома Шуберта и дочерью талантливого генерала Шуберта, столетнюю годовщину рождения которого недавно праздновали академии наук и Генерального штаба. В семействе Корвин-Круковских часто и много говорилось об умственном сходстве будущего профессора математики Стокгольмского университета с дедом и прадедом со стороны матери Ковалевской. Прежде чем проследим шаг за шагом жизнь Ковалевской, мы познакомим читателя с главными лицами, среди которых прошли ее детство и юность.

М. М. Семевский в своих путевых очерках и набросках говорит: «Дорога от Великих Лук до Невеля (Витебской губернии) чрезвычайно живописна; она тянется почти от Лук до первой станции Сеньково грядой холмов, по обеим сторонам которой лежат необозримые поля, рощицы молодняка леса на местах давно вырубленного бора, и то там, то здесь открываются зеркала озер... Шесть верст за станцией Сеньково, и у самой большой дороги, на холме, в тенистой рощице, подымается каменная часовенка, – здесь опочивают останки генерал-лейтенанта В. В. Корвин-Круковского и его жены Елизаветы Федоровны. Сухой по внешним своим фор-

мам, несколько надутый генеральством, старик Корвин-Круковский лег в могилу, как бы не якшаясь с обычновенными смертными, не на общем кладбище, а, как видите, особняком».

Василий Васильевич Корвин-Круковский.

Таково было общее впечатление, которое производил отец Ковалевской на всех знакомых. За последние годы своей жизни он, впрочем, сделался много доступнее. Однако и в моей памяти муж и жена Корвин-Круковские оставили резко противоположные воспоминания. Он – высокий, худой, мрачный, с темным цветом лица, с щетинистыми бровями; она – небольшого роста, довольно полная, со следами прекрасного цвета лица, тщательно, со вкусом одетая, предупредительная и приветливая со всеми, живая, веселая, несколько торопливая и в движениях, и в разговоре – одним словом, жена производила впечатление березовой рощицы, освещенной осенним солнцем, а муж – дремучего леса, в который страшно и заглянуть. По словам Ковалевской, в отце ее текла также цыганская кровь, потому что дед или прадед ее был женат на цыганке. Пылкие страсти, несомненно, жили в душе Круковского; он поздно женился и даже женатым очень сильно играл в карты и, по словам старой няни, так проигрался накануне рождения дочери своей Софьи, что пришлось заложить все женины брильянты. В то же время это был человек с умом, характером и сердцем; он глубоко и нежно любил жену и детей и серьезно заботился об их будущности. Вращаясь в высшем обществе, отец Ковалевской не мог не знать о предстоящей крестьянской реформе; он понял, какой переворот она должна произвести в экономическом положении помещиков, и решил, что вести хозяйство спустя рукава будет уже невозможно. Это сознание заставило его круто изменить свои нравы и образ жизни; он поселился в своем имении и, неусыпно занимаясь делами и хозяйством, употреблял все зависящие от него средства дать своим детям хорошее, основательное образование. Кто знает, какие минуты борьбы и душевных страданий переживал этот замкнутый человек в своем уединенном кабинете, где он проводил большую часть дня! К жене своей, которая была много его моложе, он относился как к старшей дочери.

Ковалевская с большой нежностью описывает характер своего отца, у которого суровость была только наружная, напускная, развившаяся вследствие укоренившейся мысли, что мужчина должен быть суров. Мои собственные наблюдения подтверждают это замечание. В первое время нашего знакомства с Ковалевской, в Швейцарии, мы часто виделись; она с подругой своей Лермонтовой и с отцом